

**Петр Федорович Преображенский:
жизненный путь и научное наследие**

В одном из старинных районов Москвы, в Мерзляковском переулке, вблизи Большой Никитской улицы стоит храм преподобного Федора Студита во имя иконы Смоленской Божьей матери, или в московском просторечии — Федоростудитская церковь, что у Никитских ворот. В 1626 г. патриарх Филарет (отец Михаила Романова) на своей земле основал Федоровский Смоленский Богородицкий мужской монастырь. При нем и был возведен этот храм. В 1709 г. монастырь был упразднен, а храм стал приходской церковью. В истории города она известна тем, что в ней покоится прах родителей генералиссимуса Суворова¹. С этим храмом связана история семьи Преображенских.

Сама фамилия эта воскрешает память о знаменательных временах российской истории — о молодых петровских полках, с причтом которых была связана священническая семья: она жила на Поварской, в слободе, принадлежавшей Нарышкиным, где ютилось много люда Преображенского полка.

Петр Алексеевич Преображенский (1828—1893) еще мальчиком был определен на место дьячка с тем, чтобы он мог кормить большую семью и одновременно учиться в семинарии. Способного мальчика в числе других лучших семинаристов отправили в Петербург во вновь открытую Духовную академию.

На дворе стояла эпоха Николая I. Российскую церковь возглавлял митрополит Филарет, человек волевой с папистскими замашками. После потрясений декабрьских событий 1825 г. правящая верхушка государства и церкви была озабочена формированием когорты просвещенных богословов, способных противостоять влиянию Запада. В Духовную академию приглашали для чтения лекций европейских профессоров.

После окончания Академии и нескольких лет профессорской деятельности Петр Алексеевич Преображенский вернулся в Москву. Он получил место протоиерея Федоростудитской церкви. Вместе с протоиереем Сергиевским и Смирновым-Платоновым основал в 1860 г. богословский журнал «Православное обозре-

ние», который выходил в Москве в течение 30 лет, до 1891 г. Журнал имел характер преимущественно публицистический: знакомил читателя с лучшими образцами иностранной богословской литературы. Кроме лиц духовного звания в журнале сотрудничали известные славянофилы — Ф.И.Тютчев, Ю.Ф.Самарин, И.С.Аксаков и др.².

Петр Алексеевич Преображенский был редактором «Православного обозрения» с 1875 по 1891 г. Ему принадлежат оригинальные статьи, например «Ориген и его заслуги как апологета христианской религии», «Апологетическая деятельность древней церкви», и многие другие. Занимался он и переводами (к примеру — Иринаея Лионского)³.

Место священника той же церкви унаследовал сын Петра Алексеевича — Федор Петрович (год его рождения неизвестен, умер в 1905 г.), учившийся в Московской духовной академии⁴. Он тоже не чужд был творчеству; известна, например, его брошюра «К вопросу о счастье. Мнимый пессимизм ветхозаветной "суета сует"» (М., 1898). Федор Петрович был удостоен звания потомственного почетного гражданина⁵.

Семья Преображенских была связана обязательными внутрисловными браками со служителями церкви. Федор Петрович был женат на Наталии Александровне Виноградовой — учительнице церковноприходского училища.

Преображенские были известны в своем кругу как яркие публицисты, прирожденные педагоги, красноречивые ораторы, легко возбудимые и увлекающиеся. Вот в такой семье и родился будущий ученый Петр Федорович Преображенский. Несомненно, он унаследовал от своих предков пылливость ума и азарт исследователя.

Сын Федора Петровича и Наталии Александровны появился на свет 21 апреля (3 мая) 1894 г. Крещен 29 апреля (11 мая) во Введенской церкви Сергиева Посада. Крестил его священник этой церкви Александр Николаевич Воскресенский.

Усидчивость, работоспособность, любовь к знаниям проявились в будущем ученом еще в стенах гимназии имени И. и А.Медведниковых (она находилась на углу Тверской улицы и Тверского бульвара). Любопытное совпадение: когда осенью 1903 г. маленький Петр Преображенский подымался со своей мамой по ступеням этого престижного для своего времени училища, рядом, тоже с мамой, шел другой мальчик — Яков Рогинский, будущий известный антрополог. Так судьба свела вместе двух человек, которым суждено было продвинуть вперед смежные, во многом переплетающиеся науки — этнографию и антропологию. Младший брат П.Ф.Преображенского — Сергей Федо-

рович, о котором речь впереди, стал антропологом и работал в том же институте, что и Яков Яковлевич Рогинский.

Петр Преображенский учился в гимназии блестяще, снискав уважение товарищей (если кто-нибудь из них что-то не знал, забывал, ему обычно советовали: «А ты спроси у Пети»). Гимназию закончил с золотой медалью⁶. Но еще раньше ему довелось пережить тяжелое горе: в 1905 г. умер отец, и юный Петр оказался «старшим мужчиной» в большой семье. Гимназист бегал по урокам, и все свои заработки отдавал матери.

Окончив гимназию в 1912 г., Петр Преображенский поступил в том же году на Историко-филологический факультет Московского университета. Перечень языков, которые изучал молодой студент (древнегреческий, латинский, немецкий, французский, английский, итальянский), указывает на высокую степень его подготовки к научной работе. В эти годы на факультете читали лекции Р.Ю.Виппер, А.И.Савин, М.Н.Богословский. Под руководством Богословского написано студенческое сочинение «Севернорусская община». К сожалению, осталось неизвестным, за что студент Преображенский получил премию им. Внуковского⁷.

В студенческие годы состоялась первая публикация молодого Преображенского. Но это была не научная работа, а стихи. Изящно изданная маленькая книжечка под названием «Semper idem» («Неизменно тот же») содержала лирику в духе Серебряного века русской литературы⁸. Неизвестной осталась личность дамы, которой посвящены эти тонкие зарисовки грустной природы и метания молодой души. Ее фамилия — Салёрева — заставляет вспомнить одноклассника по гимназии Петра Преображенского, впоследствии эмигрировавшего за границу. Возможно, что к этой семье Салёревых и принадлежала муза молодого поэта.

В 1916 г. Петр Федорович окончил Университет и был оставлен на два года (как тогда выражались, «без содержания», т. е. без стипендии) для подготовки к профессорскому званию при кафедре всеобщей истории под руководством проф. Р.Ю.Виппера. В 1917 г. экзамены были успешно сданы, прочитана публичная лекция⁹.

В 1916—1919 гг. П.Ф.Преображенский состоял приват-доцентом Московского университета, а в 1919 г. уехал в Самару, где занял профессорскую кафедру западной истории тамошнего университета (25 лет от роду!). В Самаре П.Ф.Преображенский написал свой основной труд по истории раннего христианства — «Тертуллиан и Рим» (издан в Москве в 1926 г.). Выбор темы не был случаен, он явно продолжал традиции отца и деда, которые переводили и издавали источники времен первоначального христианства. Но эта работа была не богословским сочинением, а историческим исследованием.

П. Ф. Преображенский. В последние годы жизни

В 1921 г. Петр Федорович вернулся в Москву. С этого года и вплоть до рокового 1937-го он был профессором Московского университета¹⁰.

Начался период жизни, насыщенный до удивления разнообразной научной, педагогической и просветительской деятельностью. Это было время бурного расцвета высшего образования, поисков его форм и принципов. На этом фоне особенно ярко проявилась огромная работоспособность Петра Федоровича и его незаурядный организаторский талант. П.Ф.Преображенский сотрудничал с В.П.Волгиным в Главпрофобре Наркомпроса. В феврале 1921 г. Петр Федорович стал профессором Факультета общественных наук МГУ, одновременно он был профессором Нижегородского университета (1921—1923), в 1922—1929 гг. состоял членом РАНИОН и в это же время (с 1925 по 1930 г.) — членом Института этнических культур, в 1928—1929 гг. — про-

фессором Промышленной академии, а затем (1929—1930) — ученым специалистом Института истории при Коммунистической академии.

П.Ф.Преображенский сотрудничал в Большой Советской Энциклопедии (1926—1932), где редактировал разделы всеобщей и древней истории, антропологии и этнографии (это была чрезвычайно напряженная работа: ежегодно выходили в свет два-три тома)¹¹. Этот обширный послужной список отражает не только кипучую деятельность проф. Преображенского, но и особенности организации научных учреждений того времени: они создавались, реорганизовывались, упразднялись. Например, Институт красной профессуры был переименован в Коммунистическую академию, а затем в Институт им. Свердлова, где Преображенский продолжал читать лекции. Одновременно он был лектором Военно-педагогической академии. В 1924 г. был расформирован Румянцевский музей, выделились самостоятельные музеи — Западной живописи и Изящных искусств, археологические и нумизматические коллекции переданы в Государственный Исторический музей, а этнографический отдел положил начало Центральному музею народоведения (впоследствии Музей народов СССР). Директором его был Б.М.Соколов, П.Ф.Преображенский — ученым хранителем (с 1931 г.), он также ведал Отделом зарубежных стран (в это время в музее работали С.А.Токарев, Н.Н.Чебоксаров, Е.М.Шиллинг, Б.М.Куфтин и другие впоследствии известные этнографы).

Профессор Преображенский читал различные курсы: историю древнего Востока и античного общества, историю общественных форм, лекции по колониальной политике; руководил аспирантами не только в учебных заведениях, но и в Государственном Историческом музее (1933—1934).

П.Ф.Преображенскому как деятелю науки была присуща необычайная эрудиция. Он обладал не просто обширными, но всегда точными и выверенными знаниями, владел огромным объемом информации, почерпнутой в источниках самого различного характера, использовал новейшие библиографические данные.

В издании *Academia* вышел под его редакцией и при его непосредственном участии ряд публикаций античных авторов. Было предпринято издание серии «Памятники мировой литературы» под общей редакцией Д.А.Гербова, В.О.Налендера, П.Ф.Преображенского. Каждой (или почти каждой) книге предпослано предисловие Преображенского, в котором не только характеризуется творчество и личность древнего автора, но и воссоздается историческая эпоха, к которой относится публикуемое сочинение.

Отдельные публикации проф. Преображенского о культуре древнего мира можно расположить в хронологическом порядке сюжетов и понять, как ученый осмысливал цельную панораму исторического развития культуры¹². В предисловии к «Илиаде» Гомер назван символом культурного единства, на основе которого складывались сюжеты и каноны греческой литературы¹³. «Одиссея» признана исследователем своеобразным новеллистическим отображением колонизации Восточного Средиземноморья IX—VII вв. до н.э.¹⁴. Литературное наследие комедиографа II в. до н.э. Публия Теренция определено как римское отражение греческого искусства¹⁵. «Спартак» Рафаэлло Джованьоли¹⁶ — произведение, главный тезис которого оспаривается современными историками: они не приемлют характеристику восстания под руководством Спартака как революцию рабов¹⁷. Впрочем, и сам Петр Федорович иногда в этом определении сомневался¹⁸. В длинном списке произведений на темы античной истории хотелось бы упомянуть «Миф о Каталине»¹⁹ — вступительную статью к изданию текстов Гая Саллюстия — римского историка I в. до н.э.; статью, посвященную анализу творчества римского поэта I в. до н.э. Квинта Горация Флакка²⁰; исследование творческой манеры «Вольтера античности» — древнегреческого сатирика Лукиана, жившего во II в. н.э.²¹.

От внимания ученого не ускользнули и романы авторов новейшего времени, написанные на сюжеты античной истории: им были написаны вступительные статьи к романам Г.Флобера «Саламбо» и «Искушение святого Антония», к книге Ч.Кингсли «Ипатия»²².

Во всех исторических работах проф. Преображенского выдерживается главный принцип: единство исторического потока, постоянное взаимодействие, взаимопроникновение культур (например, он возражал против мнения об изолированном развитии цивилизаций древнего Востока)²³.

Но не только древний мир привлекал ученого: он уделял внимание событиям новой истории. Талант популяризатора, который ярко проявился при чтении публичных лекций, сказался еще в первую пору работы в Московском университете. Образцом популярного стиля может служить маленькая брошюра о сущности Учредительного собрания, адресованная самому широкому читателю, не искушенному ни в истории, ни в политике²⁴.

Десять лет спустя вышла в свет более обширная популяризаторская работа «Очерк истории современного империализма»²⁵. Начертав основные исторические вехи от середины XIX в. до конца первой мировой войны и Версальского мира, создания Лиги Наций, исследователь задается вопросом: что же дальше?

Оказывается, «...империалистические антагонизмы, которые послужили причиной мировой войны, после ее окончания возникли лишь в новой форме»²⁶, и они, как предсказывает ученый, приведут к новой мировой войне.

С 1925 по 1931 г. проф. Преображенский сосредоточил свою деятельность на Этнологическом факультете МГУ. После ликвидации этого факультета и восстановления в 1934 г. Исторического факультета он работал на кафедре истории Древнего мира.

Некоторые его ученики стали впоследствии известными учеными, среди них — античник Н.А.Машкин, специалист по истории империализма А.С.Иерусалимский и др.

В 1923 г. Петр Федорович был направлен в научную командировку в Германию. К сожалению, не известны ни цель, ни результаты этой поездки. В семейном архиве сохранилось его письмо от 31 августа 1923 г., адресованное матери — Наталии Александровне. Острая наблюдательность, разговоры с немецкими и английскими собеседниками (напомним, что языками он владел свободно) позволили русскому гостю охарактеризовать Германию тех лет как страну, переживавшую катастрофический развал — валютный кризис, безработицу. Тогдашнего канцлера Штреземана он сравнивал с Керенским и предсказывал политический переворот — «революцию справа», которая принесет стране страшные последствия.

В 1928 г. состоялась поездка в Норвегию в составе делегации ученых СССР на Международный конгресс историков (первый Конгресс был в Париже в 1889 г.). На этом конгрессе впервые были представлены деятели советской исторической науки. Участие проф. Преображенского в столь важном мероприятии, имевшем не только научное, но и политическое значение, убедительно говорит об его авторитете в научном мире.

21 — 28 августа 1933 г. в Варшаве собрался очередной международный конгресс историков. Делегацию ученых СССР возглавлял акад. В.П.Волгин, в ее состав входили проф. А.М.Панкратова, академики Н.С.Державин и Н.М.Лукин, президент АН Белоруссии П.О.Горин и проф. П.Ф.Преображенский, который выступил с докладом «Русско-японская война и ее влияние на образование Антанты»²⁷. В нем были раскрыты сложные переплетения интересов России, Германии, Англии и Франции. Доклад был встречен с большим одобрением многочисленной аудиторией, «...что не помешало "Газете варшавской" аттестовать т. Преображенского специально посланным Москвой "опытным агитатором"»²⁸.

Этой поездке предшествовало событие, ныне не до конца еще проясненное: 4 января 1933 г. Петр Федорович был арестован органами ОГПУ СССР. В обвинении значилось: «...являлся

организатором антисоветской группы научных работников, проводил линию на дискредитацию вождей ВКП(б) и мероприятий советской власти». 27 апреля 1933 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло решение о высылке обвиняемого на три года в Северный край, однако условно. Из-под стражи он был освобожден²⁹. По всей вероятности, обвинение вскоре было снято, так как конгресс в Варшаве состоялся через несколько месяцев. Ясно, что авторитет профессора не был поколеблен.

Надвигался роковой 1937 год. В мае 1936 г. был арестован Г.С.Фридлянд, занимавший пост декана Исторического факультета МГУ с момента его восстановления (с 1 июля 1934 г.). Ученик и ближайший сотрудник М.Н.Покровского, он был удручен тем, что историческая наука все более попадала в зависимость от чиновников, выполнявших специальный заказ ЦК ВКП(б). В марте 1937 г. Фридлянд был расстрелян³⁰. В должности декана его сменил П.О.Горин, тоже ученик М.Н.Покровского, к тому времени переехавший из Белоруссии в Москву, ставший членом комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по историческим учебникам, председателем ее подкомиссии по изданию исторической литературы. Он не успел даже приступить к обязанностям декана, был арестован и в апреле 1938 г. расстрелян³¹.

Петр Федорович Преображенский был арестован 14 апреля 1937 г. органами НКВД «за проведение контрреволюционной деятельности». 4 октября 1937 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло приговор: «...за контрреволюционную агитацию и террористические высказывания» направить в трудовые лагеря сроком на восемь лет. Выпал на долю Ухто-Ижемский лагерь НКВД в Коми АССР³².

Среди документов, переданных семье после реабилитации, сохранилась фотография подследственного П.Ф.Преображенского. Удивительная фотография! Как правило, тюремный фотоаппарат фиксирует напряженные лица с испуганными либо потухшими глазами. Петр Федорович смотрит в объектив ясным, зорким взглядом, волевое лицо отражает усмешку, если не сказать — сарказм. Неизвестно, как складывалась жизнь в лагере, возможно, возникали какие-то конфликтные ситуации: в октябре 1941 г. последовало постановление — по статье 58, § 11 Уголовного кодекса Преображенский приговаривался к 10 годам, а потом по статье 58, § 10, часть II УК, — «за антисоветскую агитацию в лагере» — к высшей мере наказания. П.Ф.Преображенский был расстрелян 3 декабря 1941 г. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 27 апреля 1956 г.³³

П. Ф. Преображенский. Фотография из следственного дела

Всего 47 лет отпустила судьба Петру Федоровичу Преображенскому. Короток был период его научной деятельности — только 18 лет (1919—1937). За этот срок написаны и изданы две книги, десятки (около 80) статей в самых разных изданиях, прочитано много учебных курсов, популярных лекций, выращены ученики, отредактированы многие тексты. В обширном и многообразном научном наследии профессора Преображенского можно выделить три главных направления: этнография (этнология), религиоведение и история культуры античного времени. В соответствии с тематикой книги мы остановимся подробнее на первых двух.

* * *

Конец 20 — начало 30-х годов, когда Петр Федорович, по существу, возглавил в Москве этнографическое направление в университетском образовании, был сложным, переломным периодом в истории российской этнографической науки³⁴. В Московском университете подготовка специалистов началась еще в 1860-х годах (основание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), в 1884 г. была открыта кафедра географии и этнографии под руководством Д.Н.Анучина. Этот знаменитый ученый и его последователи в основной принцип научного ис-

следования возвели органическое сочетание антропологии, археологии и этнографии (знаменитая «анучинская триада», к сожалению, ныне не опровергнутая, но забытая!)³⁵. Этнография сочеталась с географией населения, поэтому в послереволюционное время Д.Н.Анучин читал курс этнографии на кафедре географии Физико-математического факультета, а в 1919 г. создал кафедру антропологии (с 1923 г. ее возглавлял В.В.Бунак), которую закончили известные впоследствии ученые-антропологи Я.Я.Рогинский, Н.Н.Чебоксаров, М.Г.Левин, С.А.Токарев, ставший одним из ведущих этнографов, а также С.П.Толстов, который, завершив антропологическое образование, поступил на Этнологический факультет³⁶.

В Петрограде этнографическое отделение было создано в 1918 г. в Географическом институте при Петроградском университете. Позже оно функционировало на Восточном факультете этого университета. Журнал «Этнография», издававшийся с 1926 г., возглавлял акад. С.Ф.Ольденбург — маститый ученый, который еще в 1910 г. был председателем Комиссии по составлению этнографических карт России. Журнал отражал мнения специалистов относительно предмета этнографии как науки.

Еще в начале века при большом различии в формулировках практически все сходились на том, что предметом ее служат законы развития человечества на низших ступенях культуры и описание конкретных народов, их культурных особенностей³⁷. Такого же мнения придерживались ученые и в последующие десятилетия³⁸. Наряду с этнографией признавалось существование и науки этнологии. Ей придавалось более широкое содержание: она была призвана изучать историю культуры человечества в целом, включая и гражданскую историю.

На основе этих принципов в Московском университете (I МГУ, как тогда назывался этот вуз) был создан Факультет общественных наук (1919 г.), в его рамках — Этнологическое отделение (1922 г.) с кафедрой этнологии и социологии, которая в 1923 г. была переименована в кафедру этнологии. С 1925 г. факультет назывался Этнологическим (просуществовал до 1931 г.); в его составе было этнографическое отделение — наряду с литературным, историко-архивным и изобразительных искусств. При факультете работали Этнографо-археологический музей (заведующий — А.И.Некрасов) и Историко-этнологический кабинет³⁹. Таким образом, понимание сути смежных наук — истории, археологии, этнологии, этнографии, истории первобытного общества и их соотношения было довольно сложным и во многом отличалось от нынешнего.

15 мая 1925 г. Научно-политическая секция (ее подсекция вузов) Государственного ученого совета утвердила П.Ф.Преображенского в должности профессора Этнологического факультета МГУ по специальности «Этнология». 1 сентября того же года он был назначен председателем Этнографического отделения и заведующим Кафедрой общей этнологии⁴⁰. О целях и задачах Этнографического отделения проф. Преображенский сделал специальный доклад. С начала 1926 г. Отделение стало функционировать⁴¹. Петр Федорович одновременно заведовал Историко-этнологическим кабинетом, а также участвовал в издании «Трудов Этнографо-археологического музея I МГУ».

В этнографию Петр Федорович пришел как зрелый историк. Обладая обширной эрудицией во многих областях знания, мысля масштабно, он пытался охватить всемирную историю как историю всех континентов и всех народов, их населяющих⁴², например мог позволить себе такое выражение, как «этнологическая часть истории»⁴³. Такая концепция не находила (а может быть, не полностью находила) отклика в среде тогдашнего научного мира: особенно она вызывала раздражение у музейных работников — знатоков конкретных, отдельно взятых этнических культур.

Этнографическое отделение старалось дать студентам широкое образование, построенное на междисциплинарном подходе, прикладные знания, подготовить их к научной работе и к практической деятельности в качестве краеведов, музейных и издательских работников, архивистов, а также (что для нас самое интересное) — работников культуры и политпросвещения среди национальных меньшинств нашей страны.

Верный своим принципам, стараясь избегать европоцентризма, проф. Преображенский вел семинар по этнографии народов Средней Азии (1929—1930) и принял участие в организации Среднеазиатской комплексной экспедиции РАНИОН, работавшей в низовьях Амударьи в районе Древнего Хорезма (1928 и 1929 гг.), он руководил этнографической частью экспедиции. Во втором сезоне в этой работе принимал участие его брат — антрополог Сергей Федорович Преображенский⁴⁴ и несколько молодых людей, в их числе будущие известные ученые С.А.Токарев и С.П.Толстов. В организации экспедиции, возможно, участвовала и Комакадемия: в ее стенах в 1929 г. были доложены результаты экспедиции и представлена выставка добытых материалов. Отчеты об экспедиции были опубликованы в научной периодической печати.

Огромное значение памятников Древнего Хорезма для исследования среднеазиатских цивилизаций было понято специалистами того времени. Первым начал исследования А.И.Теренож-

кин (позже он уехал, кажется, на Украину). Продолжили братья Преображенские. После Отечественной войны в Хорезме вел успешные раскопки С.П.Толстов.

На Этнологическом факультете проф. Преображенский читал курс «История развития общественных форм». Надо полагать, что на основе стенограмм этого курса (которые записывала Б.И.Шаревская, ставшая впоследствии известным исследователем-этнографом) им был написан учебник «Курс этнологии».

До него лучшим учебным пособием была книга В.Г.Богораза-Тана «Распространение культуры на земле». Проф. Преображенский называл эту книгу существенным произведением, трактовавшим проблемы этнографии с широтой и размахом. Однако он не мог согласиться с применением естественнонаучного метода при изучении социальных явлений⁴⁵.

Еще раньше вышла книга В.К.Никольского «Очерк первобытной культуры», которую проф. Преображенский оценил положительно, ибо в ней был преодолен тезис о линейной эволюции человеческой культуры и вся история первобытного общества предстала как смена нескольких культурных комплексов⁴⁶.

Главный теоретический тезис проф. Преображенского состоял в признании этнологии как части единого процесса познания человечества — его истории и культуры. Этим, по его мнению, подтверждалась идея Гегеля о всемирной истории: «История есть часть этнологии, или наоборот, а самое правильное: поставить здесь просто знак равенства. Недаром отец истории, Геродот, был в то же время и с таким же правом отцом этнологии»⁴⁷.

Будучи ответственным историографом⁴⁸, П.Ф.Преображенский не отказывался без подробного критического анализа от теоретических построений минувших эпох: «...только из синтеза классической эволюционной школы (Морган, Тэйлор) с достижениями школы культурно-исторической может возникнуть построение, базирующееся на месте истории как науки, — историческом материализме»⁴⁹. Впоследствии эти попытки использовать рациональные зерна из учений предшественников были названы эклектизмом, и упреки такого рода содержались во всех критических высказываниях в адрес ученого.

П.Ф.Преображенского часто причисляют к сторонникам теории «культурных кругов» Ф.Гребнера. Это не совсем так: Петр Федорович находил понятие «культурный круг» крайне неплодотворным. В построениях Гребнера, как и Ф.Ратцеля, он видел механическое соединение фактов. Для самого ученого предметом исследования служил «культурный комплекс», внутри которого его части, его элементы взаимозависимы и поддаются ретроспективному анализу. В его научном арсенале сформулировано

такое понятие, как «техничко-хозяйственный ареал». Исследование комплекса культуры, сопряженного с конкретной территорией — ареалом распространения, должно подводить к решению проблемы формирования этноса. Это весьма логичное построение очень близко к современному понятию этнической культуры.

В соответствии с установками своего времени П.Ф.Преображенский ограничивал поле этнографических исследований культурами первобытного общества. Но он считал недопустимым употребление таких слов, как «первобытность», «дикость», возражая против деления народов на *Kulturvölker* и *Naturvölker*, настаивал на признании единства психофизических особенностей людей разных культур на различных ступенях общественного развития. Например, ученому не нравилось упрощенное описание социальных группировок австралийского общества, которое допустил в свое время В.К.Никольский. Он упрекал коллегу в недооценке «...несомненно длительной и своеобразной истории австралийских культур»⁵⁰.

В этом смысле ученый высоко ценил книгу Ф.Боаса «Ум первобытного человека», в которой американский исследователь защищал единство человеческого рода⁵¹. Тех, кто составлял главный объект этнографических наблюдений, Петр Федорович предлагал называть «малокультурными» или «инокультурными» народами.

В духе этих теоретических построений и принципиальных тезисов написан главный этнографический труд проф. Преображенского «Курс этнологии»⁵². Книга делится на пять глав: 1. История науки. 2. Материальная культура. 3. Хозяйство. 4. Общество и его формы. 5. Идеологические связи общества.

В первой главе (с. 5—29) с академической скрупулезностью рассказано обо всех этапах развития знаний о культурах человечества, начиная от эпохи Древней Греции, от времени Великих географических открытий, деятельности католических миссионеров и колониальной администрации до становления научных теорий в XIX в., когда этнология оформилась в истинную науку.

Схемы эволюционистской этнологии не были поддержаны Преображенским. К построениям Л.Г.Моргана он отнесся весьма скептически, находя в его периодизации конкретные ошибки и слишком гипотетические построения. Труд Э.Тэйлора «Первобытная культура» назван им классическим, его схема духовной эволюции человечества кажется ему логически обоснованной и приемлемой для науки XX в., хотя и Тэйлор, по мнению ученого, не избежал упущений, характерных для эволюционистской школы этнологов вообще. «Никакая религия, — утверждает П.Ф.Преображенский, — еще не сводилась к одной метафизике,

к одному объяснению мира. Наоборот, во всякой религии элементы чувства и воли имели гораздо большее значение, нежели элементы объяснения»⁵³. Разбирая последовательно работы В.Вундта, Дж.Фрэзера, Э.Лэнга, ученый заключает, что эволюционистская теория чересчур узка и смотрит на предмет исследования предвзято, что она несостоятельна и с точки зрения исторического материализма, так как явления духовной культуры не связывает с материальной стороной быта и с хозяйством.

Гораздо больше импонируют профессору работы Ратцеля, которого он считает провозвестником нового для конца XIX в. исторического метода, а его книгу «Народоведение» — одним из образцовых произведений описательной этнографии. Однако Преображенского не могли вполне убедить ни Гребнер, ни Ратцель с его теорией культурных заимствований, ни Л.Фробениус с его культурной морфологией, которую ученый назвал рискованной метафизикой культуры. Как было сказано выше, он довольно жестко критиковал теорию «культурных кругов», указывал на слабость ее методологической основы, на недостаточно полную характеристику культурных комплексов, из которой выпадали сведения о хозяйстве изучаемых народов.

В заключение первой главы «Курса этнологии» проф. Преображенский сформулировал проблемы современной ему этнологии, которые он считал наиболее существенными. Первой проблемой он назвал выявление культурного единства. Резко расходясь как с Ф.Гребнером, так и с В.Шмидтом, указывая на отсутствие внутренней связи между культурными элементами в их построениях, ученый предложил свое понимание «культурного единства» (правда, этот термин он употреблял как уточненный синоним «культурного круга», что и ставилось ему в вину некоторыми критиками). Культурное единство «...не совпадает ни с единством лингвистическим, так как данная культура может выходить за пределы данной языковой группы или, наоборот, заключать в себе несколько языковых групп; это единство не совпадает также и с группой расовой, так как культура может совпадать или не совпадать с распространением данного расового типа»⁵⁴. Этнографы нашего времени не могут не ощущать в этом пассаже близкого подхода к концепции историко-этнографических областей.

Второй существенной проблемой проф. Преображенский считал механизм культурного взаимодействия (в отличие от этнологов времен Ратцеля, которые представляли перенесение культурных благ слишком механически). Он говорил о внедрении в культуру новых элементов разными путями и способами, о степени готовности данной культуры к восприятию нового. В более

ранней публикации он писал: «Необходимо... считаться с историчностью этнографических культур, возможностью заимствований и регрессивных явлений»⁵⁵. Если применять наши термины, то речь шла о соотношении традиций и инноваций, об информационных связях и о роли референтной группы.

Лишь при изучении и фиксировании отдельных культурных единств, соответствия отдельных культурных элементов и взаимодействия между отдельными культурами можно получить достаточные данные для построения необычайно сложной системы общей культурной эволюции человечества⁵⁶. Какой современный этнограф не подпишется под этим тезисом, выдвинутым Преображенским? Правда, этот тезис служил основой для вывода, нам непривычного: «В этом смысле этнология как наука включает в себе всю историю, которая является лишь частью в общей сумме этнологического знания»⁵⁷. Но если вспомнить идеи Гегеля, который объединял в едином процессе весь естественный, исторический и духовный мир, и если учесть, что в то время в науке и учебных планах МГУ была принята знаменитая «анучинская триада» — единство этнографии, антропологии и археологии, то заключение проф. Преображенского не выглядит столь неожиданным.

Вторая глава («Материальная культура. Техника орудий. Жилище. Одежда и украшения. Керамика. Средства передвижения», с. 30—69) дает связную картину человеческой деятельности по всей эйкумене, показывает развитие предметов труда и быта, причем в соответствии с установками того времени все факты касаются только жизни малокультурных народов.

Третья глава («Хозяйство. Вопрос о первобытном коммунизме. Вопрос об эволюции хозяйства. Собираательство. Охота и рыболовство. Земледелие. Скотоводство. Человеческое хозяйство и его конкретность. Обмен. Деньги», с. 70—106) не только анализирует перечисленные в заглавии темы, но и сообщает мнения всех авторов, начиная с XVII в. писавших на эти сюжеты⁵⁸.

Современному читателю очень полезно познакомиться с теми страницами книги, которые посвящены проблеме первобытного коммунизма. Учения мыслителей XVII в. (Томас Гоббс) и XVIII в. (Ж.-Ж.Руссо) Преображенский называет философской утопией. В XIX в., по мнению ученого, произошло смешение фактов разных исторических эпох: были исследованы аграрные учреждения древних германцев, кельтов и славян; при этом оказалось, что земля у них являлась собственностью общины, рода, племени; возникли представления об аграрном коммунизме, они были механически перенесены на более ранние эпохи, в первобытные времена (в частности, так характеризовал П.Ф.Преоб-

раженский положения книги И.Бахофена «Материнское право»). Эти утверждения о первобытном коммунистическом строе в раннем обществе были восприняты классиками научного социализма и перешли в учение Маркса и Энгельса, не подвергшись предварительному исследованию и проверке. Стало общим местом, что в начале истории хозяйственного и общественного развития стоят социальные учреждения, которые следует называть первобытно-коммунистическими. «...Весь процесс представлялся в виде трехчленной формулы развития... тезис — первобытный коммунизм, антитезис — частная собственность, синтез — коммунистическое общество»⁵⁹. Далее наряду с объективной критикой авторов, писавших на указанные темы (русского экономиста Н.И.Зибера, германского исследователя К.Бюхера, классиков английской политической экономии А.Смита и Д.Рикардо и др.), следуют собственные размышления ученого, где все факты строго привязаны и к месту, и ко времени их бытования, рассмотрены в аспекте уровня развития общества.

Основные положения П.Ф.Преображенского: 1) труд создает индивидуальную собственность, хотя бы и временную, это правило обычно действует на ранних ступенях культуры⁶⁰; 2) «...коллективные и индивидуальные черты в человеческом хозяйстве выявляются в различной пропорции в определенные исторические эпохи. В прошедшей жизни человеческого общества они находятся в тесном сплетении, причем то одни из них, то другие выступают резче»⁶¹; 3) «...идеологические стороны культуры иногда влияют на хозяйственные»⁶²; 4) не все виды хозяйства развиваются в строго прогрессивной последовательности, иногда прогресс сменяется регрессом. Как вывод из всего исследования делается заключение о многообразии, сложности (по выражению автора — «эластичности») экономических связей. В этом выводе отразилась огромная эрудиция ученого-историка, владевшего обширными знаниями и о древнем мире, и о развитии общества, и о законах человеческого бытия в целом⁶³.

Четвертая глава «Курса этнологии» называется «Общество и его формы. Теория Фрейда. Критика Моргана. Брачно-групповые отношения в Австралии. Формы семьи. Проблема родового быта. Экзогамия. Системы родства. Тотемизм. Территориальные организации. Орда. Племя. Распадение племенной организации. Первобытная государственность» (с. 107—163). Из этого развернутого заглавия достаточно ясно видно, какие стороны общественной жизни подвергнуты в ней описанию и осмыслению. Привлечены мнения, гипотезы и теории всех известных авторов, начиная от самого Аристотеля. Следует заметить, что теория З.Фрейда не принята и охарактеризована как искус-

ственная. Работы Л.Моргана подвергнуты тщательному рассмотрению. Главное его положение о том, что род появился раньше, чем семья, которая представляется продуктом сравнительно позднего общественного развития, принято автором учебника.

Такой универсальный подход был присущ всем работам Преображенского. Например, раскрывая историческую последовательность изменений положения женщины в первобытном и классовом обществах, он убедительно показал связь между развитием хозяйственной деятельности и соотношением прав и обязанностей женщин и мужчин. Эту связь ученый проследил на всех исторических этапах от первобытности к современному классовому обществу и от земледельческих культов («мать-земля») к развитым религиям⁶⁴.

В другой работе, касающейся семейно-брачных отношений, Преображенский раскрыл сущность гомосексуализма с точки зрения этнографии: обрисовано развитие этой формы отношений в пастушеских сообществах, связь их с особенностями полигамии, с характером морали и воспитания в военно-аристократической среде Древней Греции; наконец, рассказано о шаманской практике народов Сибири. Так, в короткой статье на конкретных материалах раскрыта социальная сущность явления, которое зачастую воспринимается как чисто биологическое⁶⁵.

Возникновение ранней государственности на основе разложения родового и племенного строя «...происходит на почве присвоения себе чужих благ. В этом отношении война является как бы неизбежным спутником организации государственной власти»⁶⁶.

В последней, пятой главе «Курса этнологии», названной «Идеологические связи общества. Религия. Искусство. Язык. Письмо. Счет. Раса и культура» (с. 164—212), значительное место занимает проблема происхождения религии. Это неудивительно: Петр Федорович в своих исторических работах уделял большое внимание ранним формам религии, а также первоначальному христианству. Как и в предыдущих главах, он добросовестно познакомил читателя со всеми существовавшими на этот счет теориями и проанализировал их. Анимизм Тэйлора, по мнению автора, неприемлем ни с точки зрения анализа человеческой психики, ни с методологической стороны. П.Ф.Преображенский оспаривает теорию Дж.Фрэзера, хотя признает, что она оказала очень большое воздействие на умы исследователей его времени и в значительной степени опровергла анимистическую теорию. По мнению русского ученого, магию нельзя отделять от религии: «...ни одно религиозное действие не лишено магизма. Даже идеально чистые молитвы, идеально чистые жертвы всегда показы-

вают желание человека воздействовать на волю божества»⁶⁷. Такому же беспристрастному обзору подверглись работы и других исследователей.

Проф. Преображенский полагал, что раннее религиозное сознание, носившее вполне реалистический характер, базировалось на трех основах: на почитании мертвецов, применении магических приемов, а также на представлениях о культурных героях и творцах мира. Дальнейшее развитие религии — символизация религиозного творчества. Религиозные верования порождаются, по мнению ученого, наличием напряженностей в жизни данной человеческой группы: внутри самой группы, между группой и внешним миром, а также между группами: «...в ранних формах религиозных представлений человек стремится хотя бы мнимым способом удовлетворить те свои желания, которые он реально удовлетворить не может»⁶⁸. Ради этого удовлетворения, в первую очередь хозяйственных нужд, человек совершает ряд магических действий и «для выполнения этого ритуала создает себе его объект... вначале было не слово, а дело, как хотел гётевский Фауст. Лишь действие человека творило объект этого действия»⁶⁹.

Происхождение христианства П.Ф.Преображенский выводит из аграрных культов Передней Азии и дополняющих их солярных верований.

Переходя к другим разделам этой главы, важно отметить, что проф. Преображенский высказывает несогласие с теорией Н.Я.Марра: «...нельзя без целого ряда насилий над реальной действительностью связать... результаты лингвистической палеонтологии с данными материальной культуры и этнологии. Этим, может быть, объясняется то обстоятельство, что под термином яфетической теории в настоящее время кроется необычайно пестрый конгломерат идей, противоречащих друг другу»⁷⁰. Ученый-этнолог, владевший огромным запасом фактов и привыкший к их добросовестной интерпретации, обращал внимание на то, что язык так называемых «малокультурных» народов был богат, связан с целым рядом изобразительных средств, поэтому, настаивал он, «...чрезвычайно трудно строить какую-либо классификацию языков, следуя степени их совершенства»⁷¹. Как видим, мнение П.Ф.Преображенского вполне соответствует тезису современной лингвистики: такую классификацию принципиально невозможно построить⁷². Однако в те времена — в пору жесткой увязки научных теорий с государственной политикой — возражение акад. Марру ставило под угрозу саму безопасность оппонента. В последующие годы между «марризмом» и марксизмом ставился прямой знак равенства: этого мнения придерживались многие ведущие ученые в области гуманитарных наук, в том числе и

С.П.Толстов, вскоре сменивший П.Ф.Преображенского в качестве теоретика и отчасти организатора этнографической науки в СССР.

Основные принципы этнологии, как понимал их проф. Преображенский, были им изложены на совещании этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшемся 5—11 апреля 1929 г. в Ленинграде (оказывается, в то время в научных учреждениях обоих городов работало около 100 этнографов). Это знаменательное событие в истории нашей науки определило на годы вперед ее судьбу.

В президиуме совещания находились ученые, имена которых вошли в историю науки: В.Г.Богораз-Тан, Д.К.Зеленин, А.Н.Максимов, А.А.Миллер, С.Ф.Ольденбург и другие, в числе их П.Ф.Преображенский и С.П.Толстов. В списке секретариата мы также находим хорошо нам известные имена Н.М.Маторина, С.А.Токарева, М.С.Плисецкого и др.

Первый доклад был поручен П.Ф.Преображенскому, он был озаглавлен «Этнология и ее метод». В этом установочном докладе Петр Федорович сформулировал основные положения, известные нам из текста его книги: принципиальной разницы между этнологией и этнографией он не признал, видел в них метод пространственного расширения исторической перспективы за счет специфических источников (вне писаной истории), как этнографических, так и археологических. Таким образом, подтверждалась «анучинская триада».

П.Ф.Преображенский повторил свою критику теории «культурных кругов» и обосновал свое видение «культурного комплекса». Обмен культурными достижениями между этническими общностями был для ученого очевидным фактом, он называл это явление «культурным скрещением», что являлось в его понимании синонимом аккультурации⁷³.

Второй доклад на конференции, прочитанный В.Б.Аптекарем, «Марксизм и этнология», прозвучал резким диссонансом первому выступлению. Марксистская социология (для докладчика это было то же самое, что и исторический материализм) призвана, по его мнению, решать все проблемы происхождения и развития культуры. Следовательно, иная наука, а именно этнология, оказывается попросту ненужной. «Этнические культуры» так же, как и «культурные круги», в понимании докладчика, составляют область конкретного приложения сил этнографов, это не что иное, как «...социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ...», т.е. опять понятие «социология» покрывает понятие «этнология» и делает его ненужным⁷⁴.

В резолюции, принятой по докладам Преображенского и Аптекаря, в разных вариантах проводилась одна и та же мысль: «...не существуют и не должны существовать (весьма характерное для того времени выражение — не должны! — Ю.И.) такие области общественных явлений, в частности такие культурные факты, которые не могли бы и не должны были бы стать объектом для изучения историка и социолога»⁷⁵. И далее: советская этнография «...должна строиться как исследование конкретных обществ, главным образом тех из них, которые и поныне находятся на ранних стадиях развития...»⁷⁶. Определения наук «социология», «история», «этнография» в этой резолюции даны настолько нечетко, что понять суть дискуссии (кроме многократного подтверждения приверженности принципам марксистского диалектического материализма) современному читателю весьма трудно. Не случайно Петр Федорович не смог согласиться с такой резолюцией и записал особое мнение: «...я считаю, что в данной резолюции дана расплывчатая и неточная оценка этнологических учений... и поэтому не могу присоединиться к резолюции в данной ее форме»⁷⁷. Позже эта принципиальная позиция ученого, отстаивавшего свои взгляды, выработанные годами, и не умевшего быстро «поворачиваться по курсу», не раз ставилась Преображенскому в вину.

Последующие доклады на конференции — В.Г.Богораз-Тана, Б.А.Куфтина и др. — касались организации полевой и музейной работы этнографов и не затрагивали принципиальных формулировок. Н.М.Маторин и С.П.Толстов говорили об изучении современного общества, в частности советской деревни.

В наши дни историографы придают совещанию 1929 г. большое значение как поворотному моменту в истории этнографической науки. «Совещание 1929 г., хотя и не заблокировало принципиально саму возможность продолжения теоретической дискуссии, ограничило круг обсуждавшихся проблем, а главное — изменило тон дискуссии, поскольку существенным коррективом подверглось понятие "этики научной дискуссии"; его подновили за счет представлений о пресловутой политической целесообразности и классовом подходе»⁷⁸.

Уже из столкновений мнений на первой конференции этнографов становится очевидным, что огромная эрудиция проф. Преображенского, соединявшего знания историка и этнолога, давала ему возможность видеть мир во всей совокупности событий и фактов и в то же время не позволяла безотчетно следовать за признанными авторитетами. Такая позиция не могла быть понята и принята теми, кто без особых размышлений придерживался догм марксизма и марризма, — так было проще существовать в то время в научной среде.

Представители молодого поколения, считавшие себя проводниками марксистских принципов в науке, не могли поддерживать сугубо научные споры: на это у них не хватало эрудиции. Но их раздражали «...терминологическая разногласица, расплывчатость формулировок, неустановленность методов этнографической работы»⁷⁹.

Не лучше обстояло дело и в учебном процессе. Петр Федорович, будучи сам широко образованным человеком⁸⁰, проявлявшим живой интерес ко многим отраслям знания, наделенный аналитическим умом и литературным даром, стремился и молодым своим ученикам привить вкус к многосторонним знаниям и теоретическим обобщениям. Его поддерживали и ведущие преподаватели факультета. К сожалению, подготовленность тогдашнего студенчества не отвечала требованиям наставников. Студенты и аспиранты, особенно из числа «выдвиженцев», предпочитали «прорабатывать» своих профессоров, считая, что в их работах недостаточно высок уровень марксистской методологии⁸¹, а если говорить по существу — отсутствует входивший в силу марксистский догматизм. Что правда, то правда: догматизма в работах проф. Преображенского нет. Касаясь любой научной проблемы, он самым добросовестным образом рассматривал мнения всех писавших на эту тему специалистов (Маркса, Энгельса и их последователей наряду со всеми остальными) и только после этого высказывал свою точку зрения.

В 1930 г. в Ленинграде начал издаваться новый журнал «Советская этнография», орган АН СССР и Сектора науки Народного комиссариата просвещения РСФСР. Место акад. С.Ф.Ольденбурга в качестве ответственного редактора занял Н.М.Маторин — директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Его установочной статьей «Современный этап и задачи советской этнографии» открывался первый сдвоенный номер журнала за 1931 г.⁸². Спор о содержании науки этнографии был решен: «...этнография растворяется нацело в истории и специальных или частных исторических дисциплинах. Термин "этнография" может поэтому сохранить условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»⁸³. Мнение о том, что этносы могут существовать в капиталистической системе, кажется Маторину «анекдотическим».

Н.М.Маторин строго отчитывал проф. Преображенского за то, что тот ставил знак равенства между этнологией и этнографией, назвав такую позицию «эkleктической». Равным образом он отрицал обоснованность понятий, вводимых Преображен-

ским, — «культурный комплекс», «техничко-хозяйственная площадь», «ареал», видя в них скрытую приверженность принципам культурно-исторической школы. Ответвлением этой школы он назвал «группу Преображенского»⁸⁴. Равным образом досталось Преображенскому и за критическое отношение к теории первобытного коммунизма⁸⁵.

Итоги дискуссии известны: в 1931 г. был закрыт Этнологический факультет (историческое образование, как уже отмечалось, было восстановлено в 1934 г. открытием в МГУ Исторического факультета). В Большой Советской Энциклопедии появилась статья «Этнология», в которой говорилось: «Этнология — термин буржуазной этнографической науки, отвергнутый марксистско-ленинской этнографией»⁸⁶. Статья «Этнография» в этом же томе не имеет авторской подписи. Вот ее начало: «Этнография, наука, изучающая экономику, общественно-политический уклад, быт и проч. народов, стоящих на различных, часто довольно ранних ступенях докапиталистического развития...»⁸⁷. В этой же статье осуждена «группа идеологов либеральной буржуазии», к которой, в частности, причислены П.Ф.Преображенский, Б.А.Куфтин, В.В.Богданов. Им ставился в вину «...лозунг некритического восприятия буржуазного наследия (от классиков к марксизму)». В списке литературы к этой статье работы П.Ф.Преображенского не указаны.

* * *

Научное наследие П.Ф.Преображенского разбросано по множеству периодических изданий. Если проанализировать публикации, касающиеся истории и философии религиозных верований, то окажется, что их объединяет общая концепция материалистического подхода к проблеме.

Журнал «Этнография» в 1930 г. предложил для обсуждения статью П.Ф.Преображенского «Реализм примитивных религиозных верований (к вопросу о происхождении религии)»⁸⁸.

Главный тезис: религия — явление социальное, общественный институт; методология: философская оценка этого института включает представление о начале и конце (как и всякого другого).

Ученый работает своим привычным методом: анализирует все известные к тому времени теории возникновения религии. Теория Тэйлора о «дикаре-философе» была отвергнута как несостоятельный миф, ибо «...религия, как социальный феномен, будучи теснейшим образом сплетена с другими явлениями социальной жизни, получила в теории Тэйлора самодовлеющее существова-

ние как особое явление, развивающееся по своим собственным законам. Ткань исторического процесса была безнадежно разорвана»⁸⁹.

Весьма характерно в этой цитате философское осмысление истории как единого цельного процесса, из ткани которого нельзя изъять отдельные институты без нарушения целостности. Этот тезис важен не только в споре с анимистической теорией Тэйлора: в нем — преодоление богословского подхода к истории религии, отповедь ученого традиционному мышлению — взглядам своего отца, деда, своего сословия⁹⁰.

По мнению самого историка, анимизм возник на почве представлений о живых силах природы и культа мертвецов. «Только начатки классового расчленения в обществе, индивидуализации его отдельных членов создают представления о самостоятельной и отдельной душе каждого человека»⁹¹. По его утверждению, мнение Тэйлора опровергают такие понятия, как «мана» у меланезийцев, «оренда» и «вакона» у североамериканских индейцев. Под этими названиями подразумевается колдовская сила, которую нельзя отнести ни к материальной, ни к духовной субстанции.

Как и в других своих работах, здесь Преображенский убедительно показал, как анимистические понятия вошли в развитые религии мира, в том числе и в христианство⁹². Анимистические представления, по мнению ученого, не должны приниматься за единственный источник возникновения религии.

Несколько страниц анализируемой статьи посвящены магии. Разумеется, каждый исследователь, касающийся этого предмета, должен определить свое отношение к трудам Дж.Фрэзера. П.Ф.Преображенский был редактором первого издания «Золотой ветви» на русском языке, вышедшего в 1928 г.⁹³. Он ценил громадный труд английского ученого, выявившего множество магических действий, но видел недостаток этого материала в отсутствии четкой классификации. Для самого Преображенского такая классификация была ясна. Первичный ее слой связан с трудовыми процессами, т.е. имеет вполне реалистические формы. Это подтверждают исследования Б.Малиновского, Р.Фэрса и того же Дж.Фрэзера. Отсюда и устойчивость магических приемов в аграрных культах. «...Магия есть огромная тень, которую бросает крошечный карлик — человеческая техника в своем младенчестве, и чем больше карлик становится великаном и подчиняет себе противостоящую ему природу, так эта тень уменьшается в своих размерах»⁹⁴. Реальные объекты магической деятельности заменяются схематическими и символическими формами этих объектов. И тут возникает интереснейшая догадка: «...не является ли

понятие человеческой души своего рода символическим объектом, заменившим самого человека»⁹⁵. Опять спор науки с богословием! И здесь проявляется основной принцип исследователя: систематизировать этнографические факты и осмысливать их в неразрывной их совокупности.

По убеждению проф. Преображенского, корней происхождения религии несколько. В целях научной систематизации они сведены автором к такому обобщенному понятию, как «напряженность» между первобытным обществом и природой в эпоху присваивающего хозяйства, во-первых, и «напряженность» внутри самого общества в пору намечавшихся социальных различий между его членами, во-вторых. Реакция людей на эти напряженности была всегда реалистической. Первая из названных напряженностей (природа—человек) вызывала обилие магических приемов при трудовых процессах. Сюда же включается и особое отношение к смерти члена коллектива (что нарушало шансы простого воспроизводства) — непосредственно к его мертвому телу, «...выливаясь в специфические формы культа мертвого тела с амбивалентной психологической окраской этого культа»⁹⁶.

Выражением другой напряженности (внутри общества) Преображенский считал культы «всеотца» и культурного героя, которые закрепляли намечавшееся выделение личности в каждом конкретном первобытном сообществе (удачливого охотника, колдуна). Они давали «...готовый ответ на вопрос о происхождении природного и общественного космоса»⁹⁷. Постепенно, особенно вследствие контактов с другими человеческими группами, в результате скрещения культур⁹⁸, возникали стимулы к нарушению установившихся социальных норм, и тогда «первобытный творец» получал качества законодателя и даже карателя. Однако, подчеркивает ученый, идея первобытного творца, возникшая из разных представлений, имеет мало общего с монотеизмом высоких религий (вопреки мнению патера Шмидта и его школы).

Итак, П.Ф.Преображенский отстаивает тезис о материальных корнях возникновения религиозных верований. Но, выявляя земные корни христианской религии, Петр Федорович сумел избежать вульгарно-материалистических построений, коими грешили некоторые его современники. Если он и критически оценивал так называемые буржуазные взгляды и суждения (характерное для того времени выражение), то эта критика основывалась на надежной источниковедческой базе.

Для основного тезиса Преображенского-религиоведа явно неприемлема концепция Дж.Фрэзера о трехчленной схеме развития человеческой мысли: магия — религия — наука. Он всегда настаивал на признании синкретизации, которая, по его мне-

нию, была сложна и динамична. Эту мысль он проводил и в специальных религиоведческих работах, и в небольших библиографических заметках. Оценивая книгу В.Г.Богораз-Тана о христианстве, проф. Преображенский счел уместным заметить, что сходство христианской мифологии, ритуала и фольклора с соответствующими элементами других религий давно стало общим местом в религиоведении⁹⁹. Он лично предпочел бы вместо этих общеизвестных фактов «...установить подлинно историческую филиацию религиозных идей, образовавших то синкретическое целое, которое покрывается именем христианства»¹⁰⁰.

Христианству предшествовали синкретические культуры Римской империи до III в. н.э. с их культом цезарей, культ персидского бога Митры (отсюда персидские элементы в христианстве, переданные через иудаизм), религиозная система иудаизма с ее монотеизмом.

Глубокие познания в области истории античной культуры позволили Петру Федоровичу создать ясную концепцию возникновения христианства и дать свое толкование литературных памятников первых столетий существования христианства.

Как было упомянуто, в 1926 г. вышла в свет первая книга Петра Федоровича «Тертуллиан и Рим»¹⁰¹ — о христианском теологе и писателе конца II — начала III в. н.э., жившем в африканских владениях Римской империи. С материалистических позиций в ней изложены взгляды «руководителя Карфагенской церкви» (в то время она была весьма влиятельна и соперничала даже с Римской), использовавшего в своем учении тексты, не только принятые церковью, но и не вошедшие в канон. Книга сразу же с одобрением была встречена научной общественностью¹⁰², так как в ней автор с присущим ему полемическим пылом опровергал как построения католических теологов, так и вульгарно-материалистические подходы к теме.

Свой основной тезис о материальных корнях происхождения религии, о синкретической основе христианства Петр Федорович не раз отстаивал в критико-библиографических заметках. Особенно это касалось сочинений русских философов. Таков, например, его отзыв на книгу Н.Бердяева¹⁰³. Историк не мог импонировать тезис философа о божественном прологе, о внутреннем отношении между богом и человеком, о свободе человека в его отпадении от бога.

Положение дел в Русской православной церкви в последние десятилетия существования Российской империи с беспощадным сарказмом обрисовано Преображенским в критико-библиографических откликах на публикацию корреспонденции К.П.Победоносцева — обер-прокурора Синода (с 1880 по 1905 г.)¹⁰⁴: «Рука

Победоносцева действительно сумела вырвать из церкви все живое...». Поэтому заранее был обречен на неудачу диалог с Победоносцевым философа Владимира Соловьева, вынашивавшего утопическую идею проповеди христианства по всей земле¹⁰⁵.

* * *

В настоящей статье мы коснулись лишь двух главных направлений в научном наследии Петра Федоровича Преображенского — этнологии и религиоведения. Одновременно с разработкой крупных научных тем Петр Федорович успевал публиковать критические заметки по поводу выходящих в его время научных книг. Их много — около 40, они опубликованы преимущественно в журнале «Печать и революция» в 1921 — 1928 г. Посвященные самым различным изданиям (по свежим следам, в год издания или на следующий год, но не позже) в области истории, философии, культуры, они свидетельствуют о широкой эрудиции ученого и его популяризаторском таланте.

Таков жизненный путь и творческое наследие Петра Федоровича Преображенского. Природа одарила его выдающимися способностями, редкостными возможностями, жизнелюбием, обаянием. Судьба же его подобна судьбам тысяч и тысяч его соотечественников.

В этнологической науке Петр Федорович сумел сделать много, предвосхитил те идеи, сформулировал те положения, которые вошли в научный арсенал сегодняшних этнологов.

Дело чести ныне живущих — вернуть науке имя и дела этого необыкновенного человека.

¹ *Пылаев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990, с. 188; Православная Москва. М., 1995, с. 22.

² Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [б.г.]. Т. II (репринтное изд. 1992 г.), стб. 1878.

³ Там же, стб. 1899; Двадцатипятилетний юбилей редактора «Православного обозрения» Петра Алексеевича Преображенского, протоиерея Федоростудитской церкви у Никитских ворот. М., 1885; Памяти протоиерея Петра Алексеевича Преображенского. М., 1893.

⁴ Известно, что в 1893 г. он был слушателем IV курса Академии, позже был отчислен. По семейным преданиям, это было следствием неодобрительного отношения Синода к издательской деятельности семьи Преображенских.

⁵ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография. — Кунсткамера. СПб., 1994, № 4, с. 210.

⁶ Отчет Московского Государственного Университета (далее — Отчет) за 1917 г. М., 1917, ч. II, с. 126.

⁷ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 211.

⁸ *Преображенский Петр.* Sempet idem. [Б.м.], 1914.

⁹ Отчет... Ч. I. М., 1917, с. 99; ч. II, с. 114, 159.

¹⁰ Отчет за 1922 г. М., 1923, с. 8, 26; Отчет за 1923 г. М., 1924. с. 7; Отчет за 1924 г. М., 1925, с. 7, 264; Отчет за 1925—1926 гг. М., 1927, с. 19, 239, 254.

¹¹ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 211—212.

¹² В значительной мере такая работа проделана Институтом истории Российской академии наук. Сборник публикаций П. Ф. Преображенского предварен глубоким содержательным предисловием Е. М. Штаерман. См.: *Преображенский П. Ф.* В мире античных идей и образов. Под ред. С. Д. Сказкина, С. Л. Утченко. М., 1965.

¹³ *Преображенский П. Ф.* Гомер. — *Гомер.* Илиада. М., 1935. с. 5—18; *он же.* «Илиада» и Гомер. — *Гомер.* Илиада. М. — Л., Academia. 1935, с. 7—22; *он же.* «Илиада» и Гомер. — В мире античных идей..., с. 13—25.

¹⁴ *Преображенский П. Ф.* «Одиссея» и Гомер. — *Гомер.* Одиссея. М., 1935, с. 5—18; *он же.* «Одиссея» и Гомер. — В мире античных идей..., с. 26—40.

¹⁵ *Проф. Преображенский.* Теренций и его время. — Теренций. Комедии. М.—Л., 1934, с. 11—32; *он же.* Теренций и его время. — В мире античных идей..., с. 41—57.

¹⁶ *Преображенский П. Ф.* Спартак. — *Джованьоли Рафаэлло.* Спартак. М. — Л., 1936, с. XIII—XXIV; *он же.* Спартак. — В мире античных идей..., с. 58—66.

¹⁷ *Штаерман Е. М.* Предисловие. — *Преображенский П. Ф.* В мире античных идей..., с. 5.

¹⁸ См. [рец. на:] *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. М., 1936. — Историк-марксист. 1936, № 6, с. 207—220.

¹⁹ *Преображенский П. Ф.* Миф о Катилине. — *Гай Саллюстий Крисп.* О заговоре Каталины. Речи против Каталины. М. — Л., 1934, с. 11—62; Миф о Катилине. — В мире античных идей..., с. 67—98.

²⁰ *Преображенский П. Ф.* Поэт золотой середины. — Квинт Гораций Флакк. Оды. М., 1935, с. 5—23; *он же.* Поэт золотой середины. — В мире античных идей..., с. 99—112.

²¹ *Преображенский П. Ф.* Вольтер античности. — Лукиан. Собр. соч. Т. I. М. — Л., 1935; *он же.* Вольтер античности. — В мире античных идей..., с. 113—124.

²² *Преображенский П. Ф.* Флобер и «Саламбо». — *Флобер Г.* Саламбо. М., 1936, с. 5—13; *он же.* Флобер и «Саламбо». — В мире античных идей..., с. 125—134; *Преображенский П. Ф.* Флобер и «Святой Антоний». — *Гюстав Флобер.* Искушение святого Антония. — Собр. соч. в 10 томах. Т. IV. М., 1936; *он же.* Флобер и «Святой Антоний». — В мире античных идей..., с. 135—146; *Преображенский П. Ф.* Предисловие. — *Чарльз Кингсли.* Ипатия. М., 1936; *он же.* «Ипатия» Ч. Кингсли. — В мире античных идей..., с. 147—160.

²³ *Преображенский П. Ф.* См. [рец. на:] *Хвостов М. М.* История древнего Востока. М.—Л., 1927. — Печать и революция (далее — ПиР). М., 1927. Кн. 2, с. 150—151. См. также: *Моммзен.* История Рима. Вступит. ст. П. Ф. Преображенского. Т. I, III, V. М., Л., 1936—1949.

²⁴ *Преображенский П. Ф.* Учредительные собрания на Западе и Русское Учредительное Собрание. — Сер. Народные беседы. М., 1917, № 8.

²⁵ *Преображенский П. Ф.* Очерк истории современного империализма. М., 1926.

²⁶ Там же, с. 85.

²⁷ См.: Борьба классов. М., 1933, № 10, с. 58—62.

²⁸ *Панкратова А.* Седьмой международный конгресс исторических наук в Варшаве. — Там же, с. 15.

²⁹ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212.

³⁰ *Артидов А. Н.* Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов). — Вопросы истории. 1994, № 7, с. 43.

³¹ Там же, с. 47.

³² *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212—213.

³³ При написании биографической части этой работы неоценимую помощь автору оказали дочь П. Ф. Преображенского — Наталия Петровна Преображенская — хранитель семейного архива и Нина Александровна Смирнова — бывшая сотрудница Института антропологии МГУ.

³⁴ Дальнейший текст этого раздела в значительной части опубликован. См.: *Иванова Ю. В.* Петр Федорович Преображенский. — ЭО. 1994. № 4.

³⁵ *Анучин Д. Н.* На рубеже полутора- и полустолетия. — Русский антропологический журнал, 1916. № 1/2, с. 4.

³⁶ С Т. А. Жданко беседует В. А. Тишков. — ЭО. 1994, № 1, с. 119.

³⁷ *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966.

³⁸ *Кагаров Е. Г.* Пределы этнографии. — Этнография, 1928, № 1; *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы. — СЭ (сб. статей). 1939, № 2.

³⁹ *Марков Г. Е., Соловей Т. Д.* Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ). — СЭ. 1990, № 6.

⁴⁰ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212.

⁴¹ Отчет за 1925—1926 гг. М., 1927, с. 19.

⁴² Характерна в этой связи претензия Преображенского к М. М. Хвостову — автору «Истории древнего Востока»; книга, которая в целом вызвала одобрение рецензента, по его мнению, слишком резко ограничивает древний Египет и Ассирию-Вавилонию от окружавшего их мира, с которым они имели несомненные связи (Рец. на: *Хвостов М. М.* История древнего Востока. М. — Л., 1927. — ПиР. М., 1927. Кн. 2, с. 150—151).

⁴³ *Преображенский П. Ф.* Реализм примитивных религиозных верований. — Этнография. 1930, № 3, с. 12.

⁴⁴ Сергей Федорович Преображенский (1900—1962) — единомышленник и сподвижник своего старшего брата. В 1926 г. окончил Биологический факультет МГУ по кафедре антропологии (в то время ею руководил В. В. Бунак) и вскоре стал сотрудником Института антропологии МГУ. В 1929 г. участвовал в работах Среднеазиатской экспедиции РАНИОН, находясь в ссылке в Средней Азии, куда был отправлен в 1927 г. Опальный ученый до 1933 г. жил в Киргизии, в г. Фрунзе, и занимался антропологическим изучением народов Средней Азии, преимущественно киргизов. После окончания срока ссылки он вернулся в Москву, был восстановлен в штате Института антропологии и проработал там до 1935 г., когда на него обрушился новый арест и ссылка в Павлодар (там он работал в Золотопродснабе треста Майкаин-золото), а в 1937 г. последовал еще один арест и приговор к лагерям на 10 лет. По истечении этого срока и до 1955 г. работал в леспромхозах Тульской и Архангельской областей (еще до поступления в Университет Сергей Федорович окончил лесотехнический техникум). С 1956 г. ученый вновь стал сотрудником Института антропологии МГУ (вплоть до выхода на пенсию в 1961 г.), где руководил экспедициями по антропометрии населения СССР для подготовки новых ГОСТов для предприятий легкой промышленности.

⁴⁵ [Рец. на:] *Проф. В. Г. Богораз-Тан.* Распространение культуры на земле. Основы этнографии. Предисл. С. И. Ковалева. М.—Л., 1928. — ПиР. М., 1928. Кн. 4.

⁴⁶ [Рец. на:] *Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. Вступ. ст. В. А. Гордцова. М., 1923. 224 с. — ПиР. М., 1923. Кн. 5.

⁴⁷ *Преображенский П. Ф.* Курс этнологии. М.—Л., 1929, с. 114.

⁴⁸ В этом отношении очень характерна рецензия Преображенского на книгу К. М. Трахтарева: рецензент упрекает автора в первую очередь за использование устаревшей литературы 30-летней давности без учета новейших исследований, за которыми он сам следил очень внимательно. Кроме того, критике подвергнут схематизм в построениях автора. [Рец. на:] *Трахтарева К. М.* Сравнительная исто-

рия развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I. Л., 1924. — ПиР. 1924. Кн. 5; *он же*. Ч. II. Л., 1924. — Там же, 1925. Кн. 3. Еще пример столь же беспощадной критики — рецензия на книгу И. Бронштейна, который отнесся к подбору материала, популярно иллюстрирующего технический прогресс, без необходимой ответственности (Рец. на: Хрестоматия по истории материальной культуры. Сост. И. Бронштейн. Л., 1924. — ПиР. М., 1925. Кн. 2).

⁴⁹ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 114—115.

⁵⁰ См. [рец. на:] Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. — ПиР, с. 212.

⁵¹ См. [рец. на:] Боас Ф. Ум первобытного человека. Пер. с англ. Водена. М. — Л., 1926. — ПиР. 1926. Кн. 4. В этой рецензии отражено также сдержанное отношение Преображенского к теории «дологического мышления» К. Леви-Брюля. См. также: Преображенский П. Ф. Дологическое мышление. — БСЭ. Т. XXIII. М., 1931, стб. 69—71; *он же*. Дюркгейм. — Там же, стб. 786—788.

⁵² На титульном листе книги обозначено: «Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов». См. подробнее: Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование, с. 80.

⁵³ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 16.

⁵⁴ Там же, с. 27.

⁵⁵ ПиР. М., 1923. Кн. 5, с. 211.

⁵⁶ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 29.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Интересно размышление о системе питания первобытного человека: Преображенский сомневался, действительно ли преобладала мясная пища над растительной (как утверждали другие исследователи). Он полагал, что оценка силы первобытной орды, якобы постоянно охотившейся за мамонтами, преувеличена. См. [рец. на:] Левин-Дорн А., Кунов Г. Первобытная техника. Ред. Д. Н. Анучина [б.г.]. — ПиР. М., 1924. Кн. 6, с. 175—176.

⁵⁹ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 73.

⁶⁰ Там же, с. 79.

⁶¹ Там же, с. 80.

⁶² Там же, с. 88.

В этом контексте характерна рецензия П. Ф. Преображенского на книгу французского археолога Ж. Моргана. См. [рец. на:] Жак де-Морган. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. Пер. с франц. В. Худидова. Предисл. В. А. Городцова. Серия «Природа и культура». Кн. 18. М. — Л., 1926. — ПиР. 1926. Кн. 6, с. 161—162. Преображенский находит рецензируемую книгу неудачной, потому что в ней не прослеживается связь между материальной деятельностью, другими проявлениями жизнедеятельности людей и их умственным развитием.

⁶⁴ Преображенский П. Ф. Женщина (этнографический очерк). — БСЭ. Т. XXV. М., 1932, с. 277—281.

⁶⁵ Преображенский П. Ф. Гомосексуализм (этнографический очерк). — БСЭ. Т. XVII. М., 1930, стб. 596—597.

⁶⁶ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 154.

⁶⁷ Там же, с. 177.

⁶⁸ Там же, с. 182.

⁶⁹ Там же, с. 192.

⁷⁰ Там же, с. 207.

⁷¹ Там же, с. 209.

⁷² Алтатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Серебрянников Б. А. Об исследовательских приемах Н. Я. Марра. — Вестник МГУ. 1992, № 3, Сер. 9. Филология, с. 67—75.

⁷³ Этнография. 1929, № 2, с. 114—115.

⁷⁴ Там же, с. 116.

⁷⁵ Там же, с. 117.

⁷⁶ Там же, с. 118.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998, с. 156.

⁷⁹ Там же, с. 153.

⁸⁰ Уместно упомянуть составленные им для энциклопедии этнографические очерки по Африке (БСЭ. Т. XIV. М., 1926, стб. 108—112), по Европе (БСЭ. Т. XXIV. М., 1938, стб. 247—252), Германии (БСЭ. Т. XV. М., 1929, стб. 507—512), где в предельно сжатой форме дана обширная информация (в сопровождении выразительных иллюстраций), а также статью «Бурь» (БСЭ. Т. VIII. М., 1927, стб. 207) и другие публикации.

⁸¹ *Марков Г. Е., Соловей Т. Д.* Этнографическое образование, с. 81—82.

⁸² *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931. № 1—2, с. 3—38.

⁸³ Там же, с. 20.

⁸⁴ Там же, с. 12.

⁸⁵ Судьба Н. М. Маторина тоже трагична: он был арестован в 1935 г. и в 1936 г. расстрелян. См.: *Решетов А. М.* Николай Михайлович Маторин. — ЭО. 1994. № 3, с. 147—149.

⁸⁶ См.: БСЭ. Т. 64. М., 1934, стб. 789.

⁸⁷ Там же, стб. 776.

⁸⁸ См.: Этнография. 1930. № 3, с. 5—20.

⁸⁹ Там же, с. 7.

⁹⁰ См. также: *Преображенский П. Ф.* Философия как служанка богословия. — ПиР. М., 1922. Кн. 6, с. 64—73.

⁹¹ *Преображенский П. Ф.* Анимизм. — БСЭ. Т. II М., 1926, стб. 764.

⁹² Там же, стб. 761—865.

⁹³ *Преображенский П. Ф.* Предисловие. — *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Вып. 1. М., 1928, с. 9—20; См.: *Токарев С. А.* Послесловие.— *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, с. 803.

⁹⁴ *Преображенский П. Ф.* Реализм примитивных религиозных верований, с. 14.

⁹⁵ Там же, с. 16.

⁹⁶ Там же, с. 10.

⁹⁷ Там же, с. 11.

⁹⁸ К фактам скрещения автор относил, среди прочего, и результаты контактов малокультурных народов с европейскими миссионерами (*Преображенский П. Ф.* «Первобытный монотеизм» у огнеземельцев. [б. г., б. м.]).

⁹⁹ См. [рец. на:] *В. Г. Богораз-Тан.* Христианство в свете этнографии. М. —Л., 1928. — ПиР. М., 1928. Кн. 4.

¹⁰⁰ См. [рец. на:] *Кун Н. А.* Предшественники христианства. М., 1922. — ПиР. М., 1923. Кн. 4, с. 220—221. См. также переводы текстов, выполненные Преображенским: *Ранович А. Т.* Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1933, с. 162—165. В издании этой книги 1990 г. текстов Преображенского нет.

¹⁰¹ *Преображенский П. Ф.* Тертуллиан и Рим. Опыт по истории первобытного христианства и раннехристианской церкви. М., 1926.

¹⁰² См. рец. на эту книгу: ПиР. М., 1927, № 6, с. Кн. 2, с. 149—150; Историк-марксист. М., 1927, № 6, с. 227—236.

¹⁰³ См. [рец. на:] *Бердяев Николай.* Смысл истории. Берлин, 1923. — ПиР. М., 1923. Кн. 6.

¹⁰⁴ *Преображенский П. Ф.* Русский папа. — [Рец. на:] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутомы 1 и 2. М., 1923. — ПиР. М., 1924. Кн. 1; Письма Победоносцева к Александру III. Предисл. М. Н. Покровского. Т. I. М., 1925. — ПиР. М., 1925. Кн. 7; Т. II. М., 1925. — Там же. М., 1926. Кн. 7.

¹⁰⁵ См. [рец. на:] *Соловьев Вл.* Письма. Пг., 1923. — ПиР. М., 1924. Кн. 1.